

От метода к предмету

СТАНИСЛАВ ШУРИПА

Институт современного искусства Иосифа Бакштейна,
Москва, Россия, shuripa@gmail.com.

Ключевые слова: производство знания; методология; междисциплинарность; демократия опыта; бриколаж; распределенное действие; сетцентрический предмет; интеробъективность; онто-этико-эпистемология; кризис воображения; эпистемологическая анархия; перманентная революция субъективности.

Статья обращается к проблемам методологии художественного исследования, которое рассматривается как производство специфической формы знания, связанной с эстетическим опытом. Поле художественного исследования складывается в последние десятилетия XX века в результате сближения мира искусства и академии под влиянием концептуального искусства и междисциплинарного поворота. Исследование предстает методологическим бриколажем, в котором эстетическое больше не вытесняется в оппозицию когнитивному, а, скорее, дополняет его. Значение эстетического производства знания возрастает в ситуации пересмотра лингвистической парадигмы. Факторы множественности, сложности и неопределенности начинают играть ключевую роль в том, как раскрывает себя предмет исследования: он оказывается все менее предсказуемым и доступ-

ным для понимания в лингвистической перспективе. Ее ограниченность преодолевается смещением фокуса внимания с метода исследования к предмету. Естественным союзником здесь оказывается акторно-сетевая теория и ее философские следствия. Переоткрывая предмет как активизированную несамостоятельность, сетцентрическую квазисубъективность, исследовательская методология обретает черты сходства со стратегией, которую Карен Барад называет этико-онто-эпистемологией. Художественное исследование оказывается территорией, где вырабатываются сценарии ответа на кризис воображения, провоцируемый цифровым капитализмом. Это делает поле художественного исследования частью широкого процесса экспериментального культурного производства и мысли, который можно назвать перманентной когнитивной революцией.

Эстетическое производство знания

ПОЛЕ художественного исследования включает множество практик, сочетающих производство знания, контекстную рефлексию и нарративность. В него могут входить и традиционные художественные формы, и теория, и перформативность, и образовательная деятельность, и работа с публикой и институтами, и экспозиционные решения. Институционализация поля исследования приходится на последние десятилетия XX века, когда под влиянием концептуального искусства когнитивное начинает рассматриваться как кульминация эстетического. В 1960–1970-е годы появляются первые программы и институты, нацеленные на сближение академии с миром искусства¹. Документальный поворот в искусстве 1990-х годов размывает барьеры между пропозициональным и эстетическим знанием. Сегодня исследование — часть поля искусства, где используется оптика различных дисциплин, многие из которых сложились в результате междисциплинарного поворота второй половины XX века: теории и философии искусства, антропологии, истории идей, социологии, этнографии, политологии, географии, медиатеории, гендерных, культурных и деколониальных исследований, исследований науки и технологии. В методологии художественного исследования сочетаются черты различных направлений мысли: от критической теории и герменевтики до постструктурализма, социального конструктивизма, дискурс-анализа, постпозитивизма и нового материализма.

Задача художественного исследования — не объяснить, а понять предмет; этим оно напоминает качественные исследования в науках о человеке и обществе, ориентированные не на пошаговый прогресс в достижении точно сформулированного результата, а на процессуальную, рефлексивную и критическую

1. Значительный вклад в развитие ранних исследовательских практик был внесен междисциплинарными программами, такими как *Experiments in Art and Technology* (учреждена в 1967 году Джулией Мартин совместно с группой художников и инженеров).

работу по освобождению скрытого потенциала наблюдаемого предмета. Исследование — это рассказ, который редко обходится без текстов, призванных описать задачи работы и наблюдаемые предметы, обосновать выбор точки зрения, очертить диалектические рамки, связи с контекстами и возможности развития темы.

Этика исследования исходит из «слабых» ценностей присутствия, близости и вовлеченности. Внимание к единичному открывает области опыта, неразличимые для регулярных систем знания, построенных на оппозиции теории и практики. Отношения власти в обществах контроля часто натурализованы и распылены; это вырабатывает у исследовательского взгляда чувствительность к скрытым механизмам подавления и неравенства. Наблюдение понимается как встреча, порождающая собственную темпоральность. Отсюда важная роль методов, ориентированных на другого, таких как партиципаторность или биографический подход. Процессуальность исследовательской работы меняет и значение деталей: они нередко говорят больше целого, не столько представляя его, сколько прорисовывая связи с контекстами.

Производимое художественным исследованием знание отличается от научного тем, что ставит под вопрос критерии систематичности, формализуемости и устойчивости. В нем перемешаны три компонента: пропозициональное знание «нормальных»² наук, процедурно-практическое знание и знание через знакомство. Две последние формы связаны с присутствием и телесностью, локальным и единичным, поэтому традиционно считаются низшими по сравнению с чистым знанием фактов. Эти качества как раз и делают их эстетически значимыми. Процедурное знание-как и знакомство с вот-этим близки эстетическому в силу своей неподверженности универсализирующей силе формальной логики. Эстетика — это реальность отношений и взаимодействий без фильтров эффективности и власти чисел. И знание-как, и знакомство образуют связь с тем, чей смысл в «таковости», а не в бытии представителем класса или значением переменной в формуле. Единичность и «вотность» — порог эстетического; оно начинается там, где отступает функциональное. Знание, производимое художественным исследованием, неизбежно обнаруживает в себе эстетическую компоненту.

2. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002. С. 34.

От демократии опыта к парламенту вещей

Отправную точку исследовательской методологии задает лакановская формула «метаязыка не существует». Если нет метаязыка, то нет и объективности, как она понималась в Новое время. Не существует и «высшей реальности», сторонней точки зрения на тотальность; переходы между уровнями, порядками, логиками, языками и стратами совершаются непрерывно, но они не обладают мистическим смыслом трансценденции. Если предмет — лишь лингвистическая конструкция, то важны детали процедур конструирования. Ими и определяется способ представления предмета, его смысл. Метод считается ключевой проблемой исследования, поскольку он не существует в готовом виде отдельно от предмета, а складывается при погружении в наблюдаемое. Метод может включать элементы практики и теории, эстетики и эпистемологии, активизма и культурного менеджмента; его задача — представить предмет как открытое для производства смысла пространство культурных, социальных и антропологических конфигураций. Вследствие этого ключевым критерием исследовательской оптики является внимание к контекстам.

Для теоретика искусства Мики Ханнулы в основе исследовательской оптики лежит принцип демократии опыта³. Этот принцип утверждает равноправие систем репрезентации, форм понимания и восприятия. Не существует привилегированного способа представления предмета: художественные, научные, повседневные языки по-разному выражают его множественную индивидуальность. Описание предмета может содержать рисунки, фото, видео, перформанс, инфографику, таблицы, атласы, анимацию и любые другие форматы представления данных. Принцип демократии опыта утверждает также равноправие миров художника и представленных в работе субъектов. Смысл не только там, где хочет его поместить автор, но и там, где его находят персонажи. В связи с этим у них должно быть право представлять себя так, как они считают нужным.

Демократия опыта необходима, чтобы гарантировать открытость работы для различных интерпретаций и точек зрения. Внутри работы она дает актерам собственный голос и лицо. Принцип демократии опыта выводится Ханнулой из герменевтического круга, замыкающего понимание тотальности опыта и его

3. См.: *Hannula M. et al. Artistic Research Methodology: Narrative, Power, and Public*. N.Y.: Peter Lang, 2014.

Станислав Шурипа. Коринфский связной (2023).

Источник: Предоставлено автором.

частей. Наблюдая сложные и подвижные явления, исследователь перемещается между точками зрения изнутри и снаружи их контекстов. Невнимание к демократии опыта блокирует способность наблюдать предмет в его динамике, многослойности и несамостоятельности. По мере размывания границ между культурным и природным субъектами демократии опыта становятся и не-человеческие агентности. Сети обменов между разноприродными акторами формируют расширенное поле социокультурной реальности, в котором универсализм выглядит неадекватно, почти как монархизм в политике. Так демократия опыта ведет к «парламенту вещей» по Бруно Латуру⁴. Все, что ведет себя как вещь, заслуживает политических прав, основанных на расширении идей свободы, равенства и братства. В искусстве политическая субъектность вещей заявляет о себе уже давно. Эстетическое видение основано на признании интересов и субъектности вещей помимо их функций и мест в структурах «для-того-чтобы». Еще Александр Родченко стремился помочь вещам стать не господами, а товарищами людям.

4. См.: Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006.

Эстетический взгляд, как и акторно-сетевой, видит в предметах сингулярности аутопоэтические сети взаимодействия. Каждая из них создает собственный мир, чьи края растворяются в мирах других предметов. В этой онтологически плоской многополярной экосистеме отношения между правилом и частным случаем переворачиваются. Общее больше не должно объяснять и снимать единичное, которое, в свою очередь, уже не считается лишь иллюстрацией правила. Традиционная логика с ее законом исключенного третьего становится препятствием на пути к демократии вещей. Множества, ряды, серии, виды предстают индивидами; поверхности рассыпаются пространствами. Значение логической связности ослабевает: в мире тысячи платформ, логика — не более чем эффект архитектуры.

История бытия следует за политэкономией. Так, Джорджо Грицциотти описывает перераспределение цифровым капитализмом потенциала инновативности в обществе⁵. В условиях фордизма изобретения были сосредоточены в корпоративных лабораториях и требовали высокой концентрации ресурсов. Инновации возникали независимо от потребителя, являя себя рынку сразу и целиком. Постфордистское производство более равномерно распределяет способность к инновациям по социальной ткани. Главный инструмент — компьютер, он есть почти у всех. Значительная часть инноваций связана с ИТ, а это область коллективного сетевого производства, где новое появляется непредсказуемо, в сотрудничестве с потребителями, вне четкого разделения на работу и досуг, практику и теорию. Теперь источник нового — множество. Это различие в распределении инновативности напоминает об оппозиции модернистской идеи автономного произведения искусства и контекстно-зависимых постконцептуальных практик. Вспененная инновативность нейрокапитализма политэкономически выражает принцип демократии вещей так же, как художественное исследование утверждает его эстетически.

Если опыт не является человеческой привилегией, то и демократия опыта не ограничивается сферой культуры. Влияние, которое оказывают на вещи следы их встреч друг с другом, и есть их опыт, полагает Альфред Уайтхед, чья неометафизика была призвана преодолеть вызовы квантовой механики, ставившие в тупик кантианскую эпистемологию. Относительность, неопределенность, несвязная множественность, хаос — эти понятия из репер-

5. Grizzioti G. Neurocapitalism. Technological Mediation and Vanishing Lines. N.Y.: Minor Compositions, 2019. P. 24.

туара точных наук в начале прошлого века очерчивали пределы, за которым лежала реальность, недоступная научному знанию. Если опыт — это влияние на вещи (на языке Уайтхеда, актуальные сущности) следов их встреч друг с другом, то из бесчисленных множеств таких событий опыта и складывается процесс реальности, похожий на толстый канат, состоящий из массы тонких и коротких ниток. Идея демократии опыта в реальности Уайтхеда означает онтологическое равноправие вещей как актуальных сущностей.

Эпистемология калейдоскопа

Неразличение реального и виртуального — это, как и плоские онтологии, симптом нейрокапитализма с его техновластью образов. Здесь уместно обратиться к понятию бриколажа, введенному Клодом Леви-Строссом. Он противопоставляет две когнитивные стратегии, воплощаемые фигурами инженера и бриколера⁶. Инженерное мышление — это пошаговое движение вдоль логических развилок внутри абстрактных систем. «Неприрученная мысль» бриколажа — импровизация, свободная от власти универсальных законов, дисциплины и принуждения к редукции. Бриколер изобретает, рекомбинируя подручное, задействуя не столько логические, сколько мифологические формы (в них части связаны менее жестко). Инженеру бриколаж кажется невразумительной самостоятельностью, может быть и пригодной для подсветки каких-то сходств, но не вписанной во всеобщий порядок и потому бесполезной. С точки зрения бриколера, инженерная мысль неспособна на неожиданное, за пределами собственных условностей она теряет силу. Бриколер использует доступные навыки и знания в разнообразных сочетаниях: продуманное нагромождение случайностей может вести к проявлению незаметного и активизации виртуального.

Бриколаж как метод не является простой противоположностью анализу; он содержит следы аналитического мышления. Исследовательский бриколаж включает проектное видение, по Леви-Строссу составляющее фундамент инженерной мысли. Леви-Стросс сравнивает бриколаж с калейдоскопом: объективность рассыпается, срезы потоков и изломы нарративов пересобираются в играх рифм и отражений. Ни здравый смысл, ни логика не отвергаются; скорее, равные с ними права получают игры вообра-

6. Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. М.: Академический проект, 2008. С. 168.

Станислав Шурипа. Спящая ячейка (2023).

Источник: Предоставлено автором.

жения и рациональности, классическим Разумом к производству знания не допускавшиеся.

Под взглядом бриколера простые и знакомые вещи оживают и начинают проявлять подавляемую инженерной цивилизацией слабую «веще-силу», как это называет Джейн Беннетт⁷. Предмет исследования предстает уже не кантовским объектом познания с четко очерченными краями, а подвижным узлом взаимодействий, изменчивым многообразием рифм и метафор. Частью методологии является путешествие по топологическому пространству состояний предмета, где дистанции разворачиваются и исчезают под действием критики и идентификаций. Движение — это эксперимент; бриколер сочетает вовлеченность с рефлексией, позволяющей видеть свои действия в различных перспективах, не ограниченных специализацией. Критическая действенность «неприрученной мысли» исходит из ее несоизмеримости с универалистскими системами⁸. Уже сам факт ее существования — критика их иерархизирующей и централизую-

7. См.: Беннетт Дж. Пульсирующая материя. Пермь: Hyle Press, 2018.

8. См.: The SAGE Handbook of Qualitative Research / N. K. Denzin, Y. S. Lincoln (eds). L.A.: Sage, 2018.

Станислав Шурипа. Пневматическое ускользание (2023).

Источник: Предоставлено автором.

щей власти. Бриколаж плохо поддается контролю, что делает его удобным инструментом культурного браконьерства и субверсии. Его чувствительность к единичному открывает проблематику культурных различий как поле работы власти-знания, поскольку в технологическом «царстве количества» власть становится собой, упорядочивая различия.

Метод и предмет художественного исследования часто неразделимы. Методы неавтономны и не переносятся автоматически с одного предмета на другой. Исследование — это взаимосвязь наблюдения и наблюдаемого, метода и предмета, напоминающая об онто-этико-эпистемологии в духе Карен Барад⁹. Описание предмета указывает и на позицию исследователя. Забывая о специфике собственного присутствия, наблюдатель рискует оказаться в плену общих мест, нечувствительных к уникальной индивидуально-коллективной идентичности предмета.

Методологический империализм «нормальной науки» происходит от картезианского самоисключения субъекта из мира и после-

9. См.: Barad K. Meeting the Universe Halfway. Durham, NC: Duke University Press, 2007.

довавшей за этим кантианской трансцендентальной колонизации объектов. Империализм — это господство одного над многими; власть универсальных законов подавляет частные онтологии единичных вещей. Социолог Джон Ло считает, что методы должны стать «скромными, медленными, нетребовательными»¹⁰, а империализм должен уступить тому, что он называет методом-сборкой. Это «непрерывный процесс учреждения границ между присутствием, явленным отсутствием и Иным»¹¹. Метод-сборка различает «пучки ветвящихся отношений», сгущая реалии, находит в них пустоты и тени Иного. Скрытое в этих «внутренних землях» (*hinterland*), неподвластных колониальным амбициям универсализма, состоит из трех частей. Присутствие — образы, данные, модели, наличное. Явленное отсутствие — следы, аллегории, подтеки и пятна, требующие дешифровки. И наконец, Иное, неразличимое для машинерии познания, но способное на нее влиять.

Методологический империализм преодолевается методом-сборкой, бриколажем, созданным в диалоге с предметом исследования. Наблюдение — не отчуждающий акт господства Разума над множественностью, а двусторонняя связь, укорененная в идентичности исследователя, чья оптика определяется способностью наблюдать самораскрытие предмета в паттернах различий.

Активизация предмета

Качество исследования определяется пониманием контекстов. Контекстуализация — это и есть производство смысла. Контексты составляют экологическую нишу предмета, его пространство действия; от них зависят возможные точки зрения и доступность вмешательства в наблюдаемое. Контекст состоит из ситуации наблюдения, смежных сюжетов и тем, а также расходящихся шлейфов обстоятельств, исчезающих в других контекстах. Эластичные и слоистые, контексты — это плато, существующие сериями; их действие обнаруживает себя в общих местах, типовых и неявных ходах мысли, презумпциях и привычках, предрассудках, верованиях, стилях, вкусах и тенденциях. Предмет разворачивается как векторное поле трансформаций, как действие, распределенное в сетях обменов и сцеплениях форм. «Действие захватывается

10. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015. С. 40.

11. Там же. С. 295.

или отбирается другим», — пишет Латур¹². Расширяя область социально-политического за пределы мира людей, Беннетт приходит к концепции распределенной агентности. Действие — утрата симметрии, актуализация виртуального и превращение несвязных множеств в счетные. Смутная множественность материального незаметно вибрирует веще-силой, стирая барьеры между живым и неживым, природой и культурой, топологией и метрикой.

Ключевая черта постфордизма — неопределенность. Ее проникающее присутствие дает о себе знать уже в 1980-е годы, когда в ответ на неопределенность нерегулируемых рынков в искусстве складываются техники апроприации, рассеивающие субъективность в сериях общих мест. В социальных науках неопределенность заявляет о себе присутствием молчаливого большинства; в XXI веке влияние этой темной материи растет в силу виртуализации. Встреча точных наук с неопределенностью во второй половине прошлого века привела к кризису посткантовской логицистской мысли. Бинаризация неопределенности в понятии информации на какое-то время продлила господство логики; еще в начале 1980-х годов самые продвинутые версии искусственного интеллекта (их тогда называли «экспертными системами») для решения проблем должны были делать мириады точных логических заключений. Перед лицом статистической неопределенности, вероятностных решений и больших данных они оказались бессильны. На смену им пришли машины, подражающие уже не цепочкам формальной логики, а работе нейронных сетей, способных учитывать флуктуации, искажения и шумы¹³. Сегодня эти постлогицистские нейросетевые модели стали технологической основой цифрового капитализма.

Активизация предметов — это сетевизация, становление образом взаимодействий. Предмет исследования может заявлять о себе в самых разных ситуациях, регистрах и форматах, зачастую не совпадая с самим собой. Его специфика заключается в способах, которыми он раскрывает себя в отношениях с другими. Каждый предмет неравен себе, и в этом неравенстве-в-себе вещи равны. Сетевцентрический предмет уже не является лишь пассивной лингвистической конструкцией. Активированный объект — это подвижная полиморфная сущность, которая, разворачиваясь,

12. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ИД ВШЭ, 2020. С. 66.

13. См.: Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014.

Станислав Шурипа. Поисковая группа АСИ работает в архиве (2023).
 Источник: Предоставлено автором.

сама начинает влиять на настройки и критерии наблюдения. Эстетическому восприятию присуще ощущение веще-силы; в искусстве Нового времени ее особенно тонко чувствовал сюрреализм. Согласно Роже Кайуа¹⁴, формы вещей обладают «лирической силой», способностью, сродни суггестии или внушению, к навязыванию воли. Для Кайуа лирическая сила объективна, поскольку форма выражает сущность вещи. Собственное пространство-время генерируют не только анимистические или товарные фетиши. В мире нейросетей лирическая сила, цифровая мана, связывающая сущее нитями сигнатур (программных кодов и межсетевых протоколов) и вдыхающая в предметы *undead*-субъективность, производится коммуникациями.

Предмет после метода — множественно-индивидуальное облако обменов, ассоциаций и разрывов. Возникая под исследовательским взглядом, он поначалу проявляет себя как странное в знакомом, как искажение или рябь на поверхности окружающих его вещей. Исследование — это взаимодействие таких сетецентрических предметов, питающееся энергиями контекстуальности и включен-

14. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С. 52.

ности. Точное описание статичного объекта в духе эпистемологического империализма Нового времени менее информативно, чем мерцание предмета-сети в глубинах метода-сборки. Неопределенность не отменяет критику, а расширяет ее поле: теперь границы предмета следует искать в контекстах контекстов. Форма — это аллегория встречи наблюдаемого и наблюдателя; это и расширение, и сдерживание, дыхание виртуального. Формы сетецентрических предметов складываются из обменов и метаболизмов¹⁵, они пористы и фрагментарны, их границы утопают в дымке возможного, клубящейся над петлями фидбеков и воронками аттракторов.

Активизация предмета, его становление актор-сетью выражается в производстве пространства-времени, кокона взаимодействий, которые классическому научному «взгляду свыше, из ниоткуда»¹⁶ представляются причинно-следственными цепочками. Если реальность состоит из множеств множеств множеств, то линейная причинность оказывается упрощенной антропоцентрической моделью узкого круга явлений. Ее основа, бинарная логика, навязывает понятиям постоянные объем и интенсивность, а множествам — закон счета. Предметы и равноправны, и не равны сами себе: они разворачиваются многообразиями событий и градиентами различий. Время и пространство утрачивают непрерывность; в мире акторных сетей и причинность сетевая. Это сверхдетерминация: она может выглядеть как неизбежность или необходимость, принуждение к повторению по Фрейду или структурная причинность по Луи Альтюссеру. Сверхдетерминация преодолевает ограничивающий воображение закон непротиворечия: вещи и не-вещи вплетаются в ткань тензорных полей присутствия и отсутствия, существования и сущности. Сверхдетерминация управляет интеробъективностью, пространством, как оно проживается предметами: нагромождениями совпадений, джунглями вероятности, где есть место и механическому балету антропоцентризма, и квантовой магии, и бестиальности чисел¹⁷, и зиянию Иного.

Интеробъективность, поток состояний, сцепок и трансформаций, может принимать диктуемую универсальными законами форму и тут же отвергать ее, являя локалистский фрагментированный хаос. Наблюдать интеробъективность означает пе-

15. См.: Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М.: Логос, 2002.

16. Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32. № 1. С. 258.

17. См.: Land N. Fanged Noumena: Collected Writings 1987–2007. Falmouth, UK: Urbanomics, 2012.

ремещаться между внешними и внутренними точками зрения; подвижность оптики при этом не отменяет политической позиции наблюдателя. Предмет исследования — это постконцептуальное расширение того, что в более традиционном искусстве называется образом. Как и образ, он может состоять из слоев, связей и противоречий, намеков и следов. Границы реального и вымышленного в режиме интеробъективности не фиксированы. Сетевая причинность не различает вещи, образы и законы, для нее важна виртуозность игры множественно-индивидуальных предметов в онтологическом спектакле интеробъективности.

Воображение за работой

Метод и предмет связаны идентичностью исследователя. Идентичность — не фиксированный набор маркеров, а движение, поток трансдукций, смешение влияний, полифоническая связь опыта и ожиданий, нерегулярная поэтическая машина. Интерпретируя предмет, она раскрывает его в действии. Предмет актуализируется в ответ на встречу неполноты наблюдателя с вселенной предмета, наполненной состояниями, траекториями, векторными полями, противоречиями, неразличимым и несвязным. Интерпретация активирует воображение: понять объект можно, представляя, чем и как он мог и не мог бы быть. Прежде чем у вещей появились функции и химический состав, они уже жили этим «как» немой речи своих взаимодействий. Воображение — это чувство виртуального; наделяя его эпистемологической властью, исследование открывает нелинейность пространств и времен. Эстетическое — не поверхностная иллюзия, а окрестности истины бытия. Постантропоцентрический мир квантовой спутанности и ретроактивности, дифракций и интерференций, рифм различий и контрапунктов повторений выходит из-под контроля упрощающих моделей и разворачивается транскорпоральностью (Стэйси Элеймо). Метаболизм пространств и тел строит конфигурации созвучий и противоречий, притяжений и отталкиваний, поглощений и слияний. Эстетический субстрат мира заявляет о себе в поэзии пространственности: бликах, пятнах, подтеках, отпечатках, шрамах, кратерах и других записях, оставляемых одними сущностями на других.

Эстетическое, или интеробъективное, слабо различается функционалистской властью-знанием; то, что не проходит через технонаучные фильтры, оттесняется в область невыразимого. Непредставимое в виде чисел или формул считается невообразимым, а значит, и недостойным существовать. Подавляя неоцифровы-

ваемое, цифровой технокапитализм провоцирует антропологическую мутацию, которую Федерико Кампанья называет кризисом воображения и действия¹⁸. Оцифрованное превращается в «контент», товарно-технологическую функцию в круговороте разрушения и созидания. Для неолиберализма неоцифровываемое Иное — лишь еще одно имя Ничто; все, что не укладывается в навязываемые им метрики, репрессируется. Цифровое производство колонизирует воображение, транслируя логику алгоритмов в сферу психического, подчиняя его машинному.

Не существует априорных законов и нерушимых аксиоматик; предмет раскрывает себя в ситуативном и случайностном диалоге с наблюдателем. Пол Фейерабенд, пионер методологического антиколониализма в философии науки, призывает деиерархизировать теоретическое знание, освободив его от господства точных наук. У эпистемологического анархизма Фейерабенда два ключевых условия, выражаемых принципами пролиферации и несоизмеримости. Первый утверждает право любого исследователя, да и просто досужего дилетанта, придумывать теории без согласования с уже принятыми: новое знание не обязано ни подчиняться старому, ни даже быть с ним совместимым. Принцип несоизмеримости объявляет незаконной критику теории с позиций любой другой теории. Ни одна концептуальная рамка не сводима к другой без потерь смысла, а значит, ни одна теория не может быть пересказана в терминах другой. Эти две установки описывают проект постимпериалистического знания, в котором ни один метод не сможет претендовать на власть над остальными, что должно гарантировать свободу производства научных истин.

Как будто следуя ситуационистскому призыву «Вся власть воображению!», эпистемологическая анархия пытается вывести мысль из бинарных коридоров сциентизма и традиционализма. Реабилитация воображения создает условия для критики с позиций методологической избыточности и демократии опыта как иерархии знаний во главе с точными науками, так и диктатуры поля с его устоями и привычками. Исследовательские практики несут заряд институциональных трансформаций; их двойная критическая направленность требует особых условий публичности, часто не укладывающихся в общепринятые выставочные форматы. Этим пересматриваются основы политик репрезентации и участия, а также проблематизируются традиционные виды

18. *Campagna F. Technic and Magic: A Reconstruction of Reality*. L.: Bloomsbury, 2018.

критики и отношение к знанию как к отражению реальности. Знание — не зеркало мира, а его стройплощадка, где работает воображение. Расширяя поле искусства, исследование опирается на различные режимы воображения. Важную роль играет социологическое воображение¹⁹, способность чувствовать общественное через частное, историю через биографию, различать неявные социальные отношения, распределения власти и контуры возможных сообществ в деталях, моментах повседневного, в единичном и фрагментарном, изобретать формы жизни.

Импульс эмансипации воображаемого, проходящий через сферы культурного и когнитивного производства, является частью процесса освобождения, перманентной революции субъективности, заявляющей о себе на разных планах. Уже в начале XX века экспериментальный характер жизни ума проблематизируется в новых направлениях мысли и практики: сознание открывает себя бессознательному в психоанализе, жизненному миру в феноменологии, невообразимому в точных науках, политическому участию и репрезентации. Авангард расширяет поле искусства, революционизируя сначала роль художника, а затем (неоавангард) и зрителя. В общественной и повседневной жизни второй половины прошлого века волны эмансипации расширили горизонты социального воображения и конструирования.

Ключевой вопрос этой революции субъективности, ее «вопрос о земле» — проблема техники: как ей работать, как относиться к индивиду и множеству. В перспективе художественного исследования это проблема связи метода и предмета. В силу склонности к критическому переосмыслению этой связи поле художественного исследования оказывается не просто одной из платформ перманентной революции субъективности, а ее фронтиром. Активизация и сетевизация предмета исследования ведут к признанию его прав. То, что считалось почти ничем, обретает образ, голос, идентичность. Расширяя спектр взаимодействий с предметом, исследование освобождает энергию воображения, а с ней и самопонимание наблюдателя.

Библиография

- Беннетт Дж. Пульсирующая материя. Пермь: Hyle Press, 2018.
Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003.
Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2002.

19. См.: Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Nota bene, 2001.

- Латур Б. Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии. СПб.: ЕУСПб, 2006.
- Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. М.: ИД ВШЭ, 2020.
- Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. М.: Академический проект, 2008.
- Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука. М.: Издательство Института Гайдара, 2015.
- Миллс Ч. Р. Социологическое воображение. М.: Nota bene, 2001.
- Том Р. Структурная устойчивость и морфогенез. М.: Логос, 2002.
- Харауэй Д. Ситуативные знания: вопрос о науке в феминизме и преимуществе частичной перспективы // Логос. 2022. Т. 32. №1. С. 237–268.
- Barad K. Meeting the Universe Halfway. Durham, NC: Duke University Press, 2007.
- Bostrom N. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford, UK: Oxford University Press, 2014.
- Campagna F. Technic and Magic: A Reconstruction of Reality. L.: Bloomsbury, 2018.
- Grizzioti G. Neurocapitalism. Technological Mediation and Vanishing Lines. N.Y.: Minor Compositions, 2019.
- Hannula M., Suoranta J., Vaden T. Artistic Research Methodology: Narrative, Power, and Public. N.Y.: Peter Lang, 2014.
- Land N. Fanged Noumena: Collected Writings 1987–2007. Falmouth, UK: Urbanomics, 2012.
- The SAGE Handbook of Qualitative Research / N. K. Denzin, Y. S. Lincoln (eds). L.A.: Sage, 2018.

FROM METHOD TO SUBJECT

STANISLAV SHURIPA. Joseph Bakstein Institute of Contemporary Art, Moscow, Russia, shuripa@gmail.com.

Keywords: knowledge production; methodology; interdisciplinarity; democracy of experience; bricolage; distributed action; network-centered subject; interobjectivity; onto-ethico-epistemology; crisis of imagination; epistemological anarchy; permanent revolution of subjectivity.

The article addresses the problems of the methodology of artistic research, which is seen as the production of a specific form of knowledge related to aesthetic experience. The field of artistic research emerges in the last decades of the 20th century as a result of the convergence of the art world and the academy under the influence of conceptual art and the interdisciplinary turn. Research appears as a methodological bricolage in which the aesthetic is no longer displaced in opposition to the cognitive, but rather complements it. The importance of aesthetic knowledge production increases in the situation of revision of the linguistic paradigm. The factors of multiplicity, complexity and uncertainty are beginning to play a key role in how the subject of research reveals itself: it is becoming less and less predictable and understandable from a linguistic perspective. Its limitations are overcome by shifting the focus of attention from the research method to the subject. Actor-network theory and its philosophical implications are a natural ally here. By rediscovering the subject as an activated non-self-identity, a network-centered quasi-subjectivity, the research methodology acquires similarities with the strategy that Karen Barad calls ethico-onto-epistemology. Artistic research turns out to be a territory where scenarios of response to the crisis of imagination provoked by digital capitalism are produced. This makes the field of artistic research part of a broad process of experimental cultural production and thought that can be called a permanent cognitive revolution.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-1-96-112

References

- Barad K. *Meeting the Universe Halfway*, Durham, NC, Duke University Press, 2007.
- Bennett J. *Pul'siruiushchaia materiia* [Vibrant Matter], Perm', Hyle Press, 2018.
- Bostrom N. *Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies*, Oxford, UK, Oxford University Press, 2014.
- Caillois R. *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Le mythe et l'homme. L'homme et le sacré], Moscow, OGI, 2003.
- Campagna F. *Technic and Magic: A Reconstruction of Reality*, London, Bloomsbury, 2018.
- Grizziotti G. *Neurocapitalism. Technological Mediation and Vanishing Lines*, New York, Minor Compositions, 2019.
- Hannula M., Suoranta J., Vaden T. *Artistic Research Methodology: Narrative, Power, and Public*, New York, Peter Lang, 2014.
- Haraway D. Situativnye znaniia: vopros o nauke v feminizme i preimushchestvo chastichnoi perspektivy [Situated Knowledges: The Science Question in Feminism and the Privilege of Partial Perspective]. *Logos*, 2022, vol. 32, no. 1, pp. 237–268.

- Kuhn Th. *Struktura nauchnykh revoliutsii* [The Structure of Scientific Revolutions], Moscow, AST, 2002.
- Land N. *Fanged Noumena: Collected Writings 1987–2007*, Falmouth, UK, Urbanomics, 2012.
- Latour B. *Novogo vremeni ne bylo. Esse po simmetrichnoi antropologii* [Nous n'avons jamais été modernes: Essai d'anthropologie symétrique], Saint Petersburg, EUPRESS, 2006.
- Latour B. *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuiu teoriyu* [Reassembling the Social. An Introduction to Actor-Network Theory], Moscow, HSE Publishing House, 2020.
- Law J. *Posle metoda: besporiadok i sotsial'naya nauka* [After Method: Mess in Social Science Research], Moscow, Gaidar Institute Press, 2015.
- Lévi-Strauss C. *Totemizm segodnia* [Le Totémisme aujourd'hui], Moscow, Akademicheskii proekt, 2008.
- Mills Ch. W. *Sotsiologicheskoe voobrazhenie* [Sociological Imagination], Moscow, Nota bene, 2001.
- The SAGE Handbook of Qualitative Research* (eds N. K. Denzin, Y. S. Lincoln), Los Angeles, Sage, 2018.
- Thom R. *Strukturnaya ustoichivost' i morfogenez* [Stabilité structurelle et morphogénèse], Moscow, Logos, 2002.